
ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Тезис о «конце истории», интриговавший публику в конце XX века, в начале XXI столетия уже не многими воспринимается всерьез – по крайней мере, в версии Френсиса Фукуямы. Широко распространилось убеждение, что история подошла к поворотному пункту, к «бифуркации», после которой возможны очередной виток развития или глобальная катастрофа, новая относительная стабильность или неведомые пока метаморфозы. Ответы на вопросы о настоящем и будущем приходится искать в прошлом. Но при этом всегда существовали разные способы осмысления истории и взгляды на возможность проецировать ее тенденции в будущее.

«Мировую историю, рассматриваемую как последовательность событий, можно описать как цикл, как драму и как прогресс», – писал Фредерик Теггарт в начале XX века. С тех пор появилось много новых способов описывать социальную реальность. И, может быть, главным достижением науки последних десятилетий стало то, что человеческая история включилась в небывалую по многогранности междисциплинарную сеть. Со своей стороны, вся новейшая наука, от астрофизики до психологии, проникается исторической идеей до такой степени, какая была немислима ни в эпоху Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, ни в эпоху Карла Маркса и Фридриха Энгельса («Мы знаем одну-единственную науку, науку истории»), ни даже в эпоху Владимира Ивановича Вернадского.

Вместе с тем этот интеллектуальный процесс достаточно противоречив. Сегодня много говорят о продуктивности междисциплинарных исследований и даже о том, что наука вступила в постдисциплинарную фазу, где смысловое ядро образуют не отрасли знания, а проблемы. Но фактически на стыке наук часто возникают новые, более или менее замкнутые дисциплины, что ведет к дальнейшей дифференциации (важность которой мы ни в коей мере не отрицаем), а по-настоящему синтетические работы в профессиональных изданиях остаются скорее экзотикой, чем общим правилом.

В частности, исследования на пересечении исторической науки, психологии и социологии с трудом находят место в специальных журналах и выглядят в них чужеродными. Еще труднее авторам, пытающимся выстроить модели социальной истории с привлечением естественно-научных данных. Концепции же глобального и универсального масштаба, включающие историю человечества в общий контекст эволюции Земли и Вселенной, публикуются почти исключительно в философских изданиях, хотя их тематика является не столько философской, сколько общенаучной.

Журнал, пилотный номер которого перед Вами, призван заполнить эту обширную нишу. Уже само его название «*Историческая психология и социология истории*» говорит о центре его интересов.

Предпочтение будет отдано сравнительным исследованиям психологических особенностей культур и исторических эпох, языков, картин мира, ценностных ориентаций и способов жизнедеятельности, взаимного влияния различных параметров социального бытия, изменениям в институтах и психологии людей в различных фазах состояния общества, особенно в период кризисов и катастроф. В таких контекстах обнаруживается теснейшая взаимосвязь исторической социологии и исторической психологии. Но и любые другие аспекты, связанные с осмыслением и концептуализацией истории, представляются нам очень важными. Значительное место на страницах журнала займут работы по глобальной и Универсальной истории, в которых социальное развитие исследуется в сопряжении с природными процессами, а также с эволюцией жизни и космоса. Тем самым в сферу интересов неизбежно вовлекаются проблемы методологии междисциплинарных исследований, исторической и политической философии.

Мы планируем публиковать конкретные эмпирические исследования, но стержневыми для журнала будут оставаться вопросы концептуального характера. Например, прослеживаются ли в длительной исторической ретроспективе, за циклами рождения, роста и обвала региональных обществ и «цивилизаций», последовательные тенденции изменений? Если да, то каково содержание и направление этих тенденций, включают ли они в каком-либо смысле совершенствование сознания, моральных и прочих регуляторов поведения? Соответственно раскрывает по-

нятие «социальный прогресс» реальные события общечеловеческой истории, или это только одна из евроцентрических идеологем Нового времени? Есть основания говорить о «законах истории», или это физикалистический предрассудок, не заслуживающий внимания серьезных исследователей? Имеют ли научное основание альтернативные модели прошлого (контрфактическая история), и чем ограничен разброс возможных сценариев? Если сквозные тенденции изменений действительно прослеживаются на длительной ретроспективной дистанции, то интегрированы они в общие векторы универсальной эволюции или развитие от галечной культуры Олдовая до постиндустриального общества было случайной флуктуацией, подобно ряби на поверхности океана? Человеческое сознание, разум, воля являются эпифеноменами (побочными эффектами) эволюции материальных структур или самостоятельным фактором в развитии космоса; в последнем случае каковы принципиальные пределы влияния разумной деятельности на космические процессы?

Отсюда неизбежно вытекает ключевой вопрос: «Камо грядеши?» Поэтому в поле зрения журнала будут оставаться сценарии дальнейшего развития общества и сознания, перспективы и условия выживания планетарной цивилизации и ее возможная роль в универсальной эволюции.

Журнал работает в рационалистической традиции, стержень которой сегодня составляет постнеклассическая парадигма. Это означает, что наша задача – не установление окончательных *истин*, а построение взаимодополнительных *моделей* прошлого, настоящего и будущего. Это также означает, что все поставленные вопросы носят не риторический характер. Ориентируясь в целом на эволюционное мировоззрение, редколлегия готова публиковать и критические статьи, подвергающие сомнению позиции социального и универсального эволюционизма. Мы планируем регулярно публиковать материалы семинаров и «круглых столов» по соответствующей тематике. Полемика и состязательность будут служить принципами нашей деятельности, а критерием отбора материалов – оригинальность и профессиональная компетентность.

Редколлегия рассчитывает на активную поддержку своей работы со стороны сотрудников академических институтов, вузовских преподавателей, аспирантов и студентов, которым тесно в рамках сугубо дисциплинарной профессионализации.